

Как Тегеран и Эр-Рияд Залив делили

*Андрей Чупрыгин, Лариса Чупрыгина,
Валерий Матросов*

А. В. Чупрыгин – старший преподаватель Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Эксперт РСМД.

Л.А. Чупрыгина – старший преподаватель Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В.А. Матросов – преподаватель Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В последнее десятилетие тема противостояния двух региональных акторов – Саудовской Аравии и Ирана – не только определяет политическую повестку на Ближнем Востоке, но и делит аналитическое и научное сообщества на две группы с полярными взглядами. Одна часть представителей политических элит, поддерживаемая единомышленниками в экспертных кругах, всерьёз рассматривает возможность прямого вооружённого столкновения между двумя региональными гигантами. Другая часть, видя причины в шиито-суннитском конфликте, представляет его как «вечное противостояние» двух течений ислама, не имеющее перспективы разрешения из-за догматических противоречий. В статье представлено мнение авторов о том, каковы реальные истоки противостояния между Эр-Риядом и Тегераном, на каких «аренах» разворачиваются непосредственные действия в рамках конфликта, а также к чему может привести ближневосточная «холодная война», а к чему – не может.

ИСТОРИЯ КОНФЛИКТА

С момента возникновения Исламской Республики Иран (ИРИ) в 1979 г. отношения между Тегераном и Эр-Риядом развивались не-

однозначно. Появилось государство, сумевшее в крайне непростых условиях выстроить систему управления, экономику, культурную жизнь в «более исламском» русле. Это предполагало, что руководству Королевства Саудовская Аравия (КСА), которое позиционировало себя в качестве лидера мусульманского мира, придётся потесниться, а, возможно, и передать пальму исламского первенства своему неарабскому, да к тому же ещё и шиитскому, соседу.

Иранский пример с энтузиазмом восприняли все шииты Ближнего Востока, причём шиитское население восточных провинций Саудовской Аравии – самых нефтеносных и самых небогатых – первым выступило с политическими лозунгами в пользу иранского опыта и построения шиитского государства¹. Кроме того, курс на воспроизведение иранской модели взял ряд суннитских группировок – таких, как «Исламский джихад» на территории Палестины.

Официальная позиция иранского духовенства, которое открыто критиковало саудовский режим и призывало к «экспорту исламской революции» в страны региона, воспринималась как угроза национальной безопасности Саудовской Аравии. Королевство, впрочем, не осталось в долгу и оказало активную поддержку Саддаму Хусейну в годы Ирано-иракской войны (1980–1988), предоставив ему помощь на сумму 27,2 млрд долларов².

На фоне этих событий произошёл разрыв дипломатических отношений, продолжавшийся с 1988 по 1991 год. Формальным поводом послужили столкновения иранских паломников с полицией во время хаджа³, а также холодно встреченное в Эр-Рияде требование Ирана увеличить квоту с 55 тысяч до 150 тысяч паломников в год⁴. Однако с завершением Ирано-иракской войны Тегеран стал склоняться к выходу из региональной международной изоляции и к компромиссу с соседями. Смерть харизматичного и экспрессивного аятоллы Рухоллы Хомейни, а также осуждение Ираном

¹ Hiro, D. *Cold War in the Islamic World. Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy*. Oxford University Press, p.79, 2019.

² Бирюков Е. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. Россия и мусульманский мир, № 12 (306), с. 62, 2017.

³ Terrill, W.A. *The Saudi-Iranian Rivalry and the Future of Middle East Security*. Strategic Studies Institute, p.6, 2011.

⁴ Hiro, D. *Cold War in the Islamic World. Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy*. Oxford University Press, p.105, 2019.

оккупации Кувейта иракскими войсками годом позже способствовали восстановлению дипломатических отношений и достижению консенсуса по вопросу количества паломников (квота составила 115 тысяч человек)⁵.

На протяжении более чем десятилетия отношения развивались достаточно ровно. Однако с момента вторжения американских войск в Ирак в 2003 г. они начали стремительно ухудшаться, причём основными вехами следует считать события 2003, 2011 и 2015 годов.

Американская агрессия против Ирака уничтожила прежний баланс сил в регионе Персидского залива. До начала вторжения наличие общего соперника в лице Багдада вынуждало КСА и ИРИ идти на компромиссы, вплоть до предложения (правда, нереализованного) сформировать коллективную систему обеспечения безопасности, которая включала бы и Иран, и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и была бы направлена на достижение энергетической безопасности и совместные меры для борьбы с сепаратизмом, терроризмом и так далее⁶. Но крушение иракской государственности повлекло за собой огромные по своей значимости последствия.

Хрупкий баланс внутри треугольника «Эр-Рияд – Тегеран – Багдад» был уничтожен, геостратегическое пространство претерпело существенную трансформацию. Особую роль здесь сыграли внутренние политические и социальные особенности Ирака. Государство, где шииты всегда составляли более половины населения, а сунниты формировали политическую и экономическую элиту, страна, расположенная на пересечении суннитской и шиитской осей «Саудовская Аравия – Турция», «Иран – Ливан», оказалась желанным призом для обоих претендентов на региональное лидерство⁷. Установление контроля над Ираком позволило бы и Са-

⁵ Hiro, D. *Cold War in the Islamic World. Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy*. Oxford University Press, p.139 2019.

⁶ Бирюков Е. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. Россия и мусульманский мир, № 12 (306), с. 63-64, 2017.

⁷ Ottaway, M. Iran, the United States, and the Gulf. The Elusive Regional Policy. *Carnegie Papers, Middle East Program*, № 105, pp. 16-19, 2009.

Бирюков Е. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. Россия и мусульманский мир, № 12 (306), с. 67, 2017.

удовской Аравии, и Ирану существенно укрепить собственные региональные и глобальные позиции. И вот вокруг заветной цели начался новый этап политического противостояния.

Приход в 2005 г. на пост президента ИРИ энергичного и решительно настроенного Махмуда Ахмадинежада усугубил обострение отношений Ирана с внешним миром⁸. Помимо Ирака, конфликт в формате «войн по доверенности» затронул Ливан и Йемен. В первом Эр-Рияд и Тегеран «издалека» поддерживали оппозиционно настроенные в отношении друг друга политические силы, чему в большой степени способствовала конфессиональная структура политического поля Ливана. А во втором – прямо вмешались во внутренний конфликт, причём Иран оказал содействие повстанцам, хуситам, а КСА заняло сторону официального правительства страны⁹.

Таким образом, к классическому противостоянию, протекавшему на внутреннем уровне и затронувшему идеологические, религиозные, националистические противоречия, а также вопросы экономического характера (цены на нефть, логистика торговых маршрутов), добавилась неприкрытая борьба за региональную гегемонию, в которую стали вовлекаться и другие страны. Основной целью борьбы оставался Ирак.

Эта тенденция стала ещё более очевидной после начала «арабской весны». И Эр-Рияд, и Тегеран восприняли пробуждение «арабской улицы» не столько как угрозу, сколько как возможность сыграть втёмную, укрепив свои позиции в регионе¹⁰. Поддерживая различные правительственные и антиправительственные группировки, спонсируя их и оказывая им военную поддержку, ИРИ и КСА энергично трансформировали противостояние в полноценный региональный конфликт. Обе стороны творчески применяли давно обкатанную доктрину управляемого хаоса, демонстрируя хорошо усвоенный урок британской модели

⁸ Там же, с. 64.

⁹ Terrill, W.A. *The Saudi-Iranian Rivalry and the Future of Middle East Security*. Strategic Studies Institute, p.18, 2011.

¹⁰ Diansaei, B. *Iran and Saudi Arabia in the Middle East: Leadership and Sectarianism* (2011-2017). Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Т. 18, № 1, с. 126, 2018.

Бирюков Е. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. Россия и мусульманский мир, № 12 (306), с. 72-75, 2017.

взаимодействия с Ближним Востоком. При этом и КСА, и ИРИ достаточно активно привлекали внешних акторов своими действиями «на земле» и в дипломатическом, и в экономическом секторах, приглашая их (а часто и провоцируя, как в случае с США) принять участие в этом конкурсе возможностей¹¹. Вовлечённость в большинство локальных столкновений других игроков – как ближневосточных (Катар, Турция), так и внешних (Соединённые Штаты, Россия) – в свою очередь, способствовали тому, что конфликт между претендентами на лидерство проявлялся по-разному: политическое маневрирование, военные действия через лояльные группировки на месте, дипломатические игры и экономическое давление.

На фоне широкомасштабного развёртывания региональной стратегии усиливались антиправительственные выступления в Саудовской Аравии. Социальную базу протестов составляли шииты – выходцы из восточных провинций. Была задействована повестка шиито-суннитского противостояния, что позволило Ирану ужесточить риторику в отношении властей КСА. Однако в июле 2012 г. протесты практически подавили, а один из наиболее влиятельных лидеров – шиит-саудовец Нимр ан-Нимр, получивший образование в Иране, был арестован.

В 2015 г. в Саудовской Аравии произошли коренные изменения: королём стал Салман бин Абдул-Азиз, министром обороны (с 2017 г. наследный принц) – его сын Мохаммед, который позиционирует себя во внешнем мире как сторонник реформирования и обновления королевства, решительных действий на внутренней и внешней политической арене. Уже через месяц Саудовская Аравия возглавила коалицию вооружённых сил стран ССАГПЗ (кроме Омана, чьё вступление в коалицию скорее было знаково-формальным) и начала вторжение в Йемен¹².

Кажущаяся безопасность и в некотором роде чувство безнаказанности Саудовской Аравии, впрочем, вскоре подверглись двум

¹¹ Hiro, D. *Cold War in the Islamic World. Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy*. Oxford University Press, pp. 255-259, 2019.

¹² Hiro, D. *Cold War in the Islamic World. Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy*. Oxford University Press, pp. 281-284, 2019.

Бирюков Е. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. Россия и мусульманский мир, № 12 (306), с. 66, 2017.

испытаниям. Во-первых, если южные провинции Йемена легко переходили под контроль саудовского руководства и лояльного ему правительства Мансура аль-Хади, то хуситы на севере страны могли держать оборону, давать сдачи и даже занять ряд приграничных районов в самой Саудовской Аравии¹³. Во-вторых, Иран сумел договориться со странами Запада по поводу ядерной программы и начать реализацию Совместного всеобъемлющего плана действий – это, в свою очередь, фактически расширяло возможности Ирана в области ядерных разработок и одновременно подрывало доверие Саудовской Аравии к её западным партнёрам (если допустить, что таковое было изначально), так как КСА становилось уязвимым в случае успеха Ирана¹⁴.

Вскоре после этого был казнён Нимр ан-Нимр, что вызвало волну возмущения в Иране как на народном уровне (волнения, массовые выступления, погромы саудовских представительств), так и на официальном уровне (вплоть до обвинений со стороны МИДа и разрыва дипломатических отношений). В результате саудовско-иранские контакты оказались в худшем состоянии за всё время их существования¹⁵, а обострение противоречий в наиболее ярко выраженном виде затронуло две сферы: официальную и экстерриториальные конфликты.

ИРИ и КСА ужесточили полемику: в Эр-Рияде обвиняют Тегеран в попытке использования прокси-сил, чтобы навязать на всём Ближнем Востоке собственную политическую повестку; в Тегеране же полагают, что саудовское руководство продвигает в регионе интересы США (а заодно – Израиля). Претензии обеих сторон не лишены оснований, но взаимная политическая риторика отличается склонностью к гиперболизации. Между Саудовской Аравией и Ираном в полную силу идёт информационная война, в которую невольно (или осознанно) вовлекаются внешние акторы, позиционирующие себя в качестве союзников и противников каждого из претендентов на лидерство в регионе.

¹³ Hiro, D. *Cold War in the Islamic World. Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy*. Oxford University Press, pp. 303-306, 2019.

¹⁴ Там же, p.235.

¹⁵ Бирюков Е. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. Россия и мусульманский мир, № 12 (306), с. 80, 2017.

Во многих государствах Ближнего Востока не прекращается опосредованный конфликт: обе стороны обеспечивают лояльные им группировки и партии деньгами, оружием, опытом, дипломатической и медиаподдержкой. В результате целый ряд региональных конфликтов усугубляется их вовлечённостью в ирано-саудовское противостояние, а некоторые прямо возникают из него.

ВНЕШНЕЕ ВЛИЯНИЕ, ИЛИ ЭФФЕКТ ЗОЛОТОЙ РЫБКИ: КТО ИСПОЛНИТ ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ?

В сферу противостояния вовлечено неопределённое количество внешних участников. Неопределённое, потому что в каждый конкретный момент идентификация их прямо зависит от характера текущей проблемы. Однако есть два фактора, которые позволяют увидеть конечный расклад.

Первый можно описать вопросом: что ты можешь сделать для меня сегодня? Причём ставится он обеими сторонами. Здесь важны политические сиюминутные интересы, разбавленные любовью к твёрдой валюте, которой обе противостоящие стороны пользуются с удовольствием.

Второй фактор – более или менее постоянный – участие США и России. Он имеет историческую природу. Конструкция «Россия – Великобритания – СССР – Соединённые Штаты – Россия» представляет собой классический пример конкурентной геополитической борьбы на Ближнем Востоке, играющей роль перманентной характеристики событий, которая определяет политический процесс в регионе в исторической ретроспективе.

Естественным образом эта самая конкурентная борьба напрямую влияет и на противостояние между КСА и ИРИ. Пусть не всегда заметно, зато всегда эффективно.

Обе конкурирующие стороны давно научились играть на душевных струнах «наивных русских и американцев», пытающихся утвердить влияние на территории, исторически принадлежащей персам и арабам. В то время, как в Вашингтоне и Москве старательно формулируют ближневосточную политику, ставя себе определённые задачи, планируя экономические и геополитические приобретения, Тегеран и Эр-Рияд используют бывших «внешних гарантов» стабильности в качестве источника дипломатического

потенциала и – часто – военной угрозы в адрес конкурента. Проще говоря, шантажируют друг друга и соседей своим мускулистым и воинственным союзником.

Особенно интересен в этом плане период президентства Дональда Трампа, и не только потому, что он совпал с серьёзными сдвигами в балансе сил на Ближнем Востоке. Приход Трампа в Белый Дом был ознаменован переменами в политике Вашингтона в отношении Ближнего Востока – он запустил реформатирование старых альянсов, вызвал когнитивный диссонанс в традиционных элитах и спровоцировал новый виток старых конфронтаций. Кроме того, при Трампе начались разговоры о выводе американского контингента с Ближнего Востока. И даже начался процесс вывода, который, однако, никак не закончится, что сбивает с толку и союзников, и конкурентов США. Всё это касается как эволюции соревновательных отношений между Тегераном и Эр-Риядом, так и конкретных политических и экономических интересов двух внешних тяжеловесов¹⁶.

Так почему Соединённые Штаты, потеряв азарт, всё же из последних сил цепляются за Ближний Восток? И как Россия определяет свои сиюминутные и перспективные интересы?

Как это ни странно, причины присутствия США и России на Ближнем Востоке кроются не столько в специфике региона и его значении для мирового политического процесса, сколько в отношениях между двумя мировыми актёрами. В период холодной войны Вашингтон и Москва, будучи внешними гарантами безопасности в регионе, строили альянсы с ближневосточными элитами в основном с целью противостоять влиянию своего визави в рамках большой геополитической игры. С исчезновением Советского Союза ничего принципиально не изменилось. Как и раньше, Россия

Дух «большой игры» между Россией и Великобританией плавно и практически незаметно перешёл на американо-советские и затем – на американо-российские отношения.

¹⁶ Отвечая на вполне ожидаемые вопросы: да, с точки зрения наблюдателей со стороны Персидского залива, и США, и Россия, несомненно, являются «тяжеловесами», присутствие которых в региональном контексте так или иначе влияет на все события, там происходящие.

и США продолжают «работать» с ближневосточными элитами в пику друг другу. Но в отличие от периода холодной войны роль идеологического фактора перешла из арсенала Москвы в джентльменский набор Вашингтона. Если в политике Кремля ясно виден политический и экономический прагматизм, пусть и не всегда достаточно ясно сформулированный, то в действиях Белого дома всё больше чувствуется идеологический подтекст. Это чревато последствиями и для региона, и для взаимодействия между основными акторами.

КАК ПОССОРИЛИСЬ ГАРАНТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

История российско-американских отношений на Ближнем Востоке достойна пера новеллиста. Истоки «сотрудничества» лежат в тумане «большой игры» между Россией и Великобританией, дух которой плавно и практически незаметно перешёл на американо-советские и затем – на американо-российские отношения. Настолько зорко и увлечённо каждая из сторон следила за действиями другой¹⁷, что порой создавалось впечатление, будто проблемы Ближнего Востока интересуют и Москву, и Вашингтон в последнюю очередь.

Сегодня мало что изменилось. Всё так же Вашингтон ревниво следит за действиями Москвы, стараясь вовремя понять, что задумал Кремль – «а может, и нам туда срочно нужно?». И всё так же Москва старается предупредить или, по крайней мере, не сильно опоздать за движениями Белого дома в региональном контексте.

Хотя есть и существенное отличие от предыдущего исторического периода, называемого холодной войной. Теперь речь идёт не столько о борьбе за контроль над углеводородными и другими ресурсами, сколько о «чистой» геополитике – кто с кем и против кого дружит, у кого где есть присутствие и в каком объёме. То есть материальные выгоды сомнительны, учитывая, что финансовая подушка ближневосточных скруджей резко съёжилась, нефтяной фактор теряет своё значение, а традиционное противостояние в регионе трансформируется в нетрадиционное для Ближнего Востока

¹⁷ См. Chuprygin, A. *The MENA Region: A Great Power Competition*, ISPI - Atlantic Council Report. Milan: Ledizioni Ledi Publishing, p. 93-105, 2019.

сотрудничество¹⁸, практически обнуляя палестино-израильскую проблему. Матч заканчивается со счётом 1:0 в пользу команды янки. Но баланс сохраняется, так как фокус игры смещается в район Средиземноморья, где российский фактор с каждым днём увеличивается благодаря турецкому аншлюсу и, судя по всему, такой «размен влияния» пока устраивает всех.

Традиционный для XX века баланс внешнего влияния в регионе между США и Россией (СССР) начинает трансформироваться в торги за «территории интересов». Вашингтон, озабоченный окормлением электората в преддверии выборов, разыгрывал израильскую карту, в то время как Москва, имея неоднозначный, но достаточно сильный козырь в виде Сирии, взяла реванш в Средиземном море. Конечная цель – не дать сопернику занять выгодную позицию.

В этом контексте нужно рассматривать характер отношений и в Персидском заливе вообще, и между Тегераном и Эр-Риядом в частности. Достаточно посмотреть на недавнюю сделку между Объединёнными Арабскими Эмиратами, Бахрейном и Израилем. Конечно, отношения носили рабочий формат уже последние десять лет во всех сферах государственной деятельности. Общий противник в лице Ирана, общий союзник в лице Соединённых Штатов и – для монархий Залива – вопрос контроля над диссидентствующими элементами. А в этом как раз Израиль был в состоянии оказать высокотехнологическую поддержку. Так что оформление де-юре того, что давно являлось реальностью де-факто, прошло плавно и убедительно. А главное – вовремя, обеспечив Трампу ещё один плюс в избирательной кампании.

А что же Иран? Он, как представляется, желал бы урегулировать свои разногласия с США. По крайней мере, он периодически подаёт об этом сигналы через третьих лиц. В своё время руководство Ирана не воспринимало достаточно серьёзно действия Трампа по расторжению ядерной сделки, считая это неким этапом «большого торга», что было ошибкой. К тому же и с Москвой не всё складывается так, как хотелось бы Тегерану. Москва – союзник, но

¹⁸ Договор между Израилем и Объединёнными Арабскими Эмиратами формализовал существовавший давно неофициальный консенсус между странами Залива и Иерусалимом в совместном противостоянии с Ираном.

тактический, зорко следящий за тем, чтобы позиции Ирана в регионе не слишком укреплялись. Интерес обеих стран лежит практически на одних территориях, и это создаёт проблемы. К тому же в Тегеране живы опасения по поводу того, что Москва не будет жертвовать отношениями с лидерами суннитского мира ради безоглядной поддержки лидера мира шиитского¹⁹. Несмотря на это, Тегеран, понявший после ликвидации американцами генерала Касема Сулеймани, что антииранский нарратив Вашингтона – всерьёз и надолго, вынужден играть по правилам Москвы, дабы не остаться одиноким воином в поле. И это, конечно, ослабляет позиции Ирана в регионе.

А вот для Москвы эта «слабина» имеет принципиальное значение. В рамках российско-американского перетягивания каната в регионе уязвимость иранской позиции может позволить России аккуратно сконструировать баланс между Абу-Даби, Тегераном и – в дальнейшем – Эр-Риядом на платформе Сирии и Ливии, сыграть на противоречиях вышеупомянутых стран с Турцией и Катаром и лояльности США к действиям последних. Такой поворот в долгосрочной перспективе способен укрепить роль Москвы в качестве модератора региональных процессов. Кремль сможет позиционировать себя в качестве посредника, к которому приходят за советом в решении сложных вопросов регионального характера. Процесс непрост и длителен, однако предпосылки есть, их просто нужно вовремя использовать.

¹⁹ Вспомним Н. С. Хрущёва и разрыв отношений с Израилем. Тогда наглядно сработали соображения о том, что сила в количестве. И действительно, ведь арабов больше, чем израильтян. Так же и суннитов неизмеримо больше, чем шиитов. Это соображение часто проходит мимо внимания аналитиков.